

8. Beckman L. A Contribution to the Physical Anthropology and Population Genetics of Sweden. — Lund: Berlingska Boktryckeriet, 1959.
9. Беневоленская Ю. Д., Давыдова Г. М. Русское население Псковского озера. — В кн.: Полевые исследования института этнографии 1977. М.: Наука, 1979.
10. Eriksson A. W., Frants R. R. Studies on blood groups in the Komi (Zyrians) in the USSR. — In: Suomen antropologisen seuran. Toimituksia 4. Helsinki: Helsingin Ilpiston Monistus Palvelu, offset, 1978.
11. Эрикссон А. В., Золотарева И. М., Козинцев А. Г. и др. Генетические исследования марийцев (черемисов). — В кн.: Новые исследования по антропологии марийцев. М.: Наука, 1979.
12. Хеапост Л. Некоторые материалы к серологии угорских народов. — Труды по антропологии, III. Уч. зап. ТГУ, 1977, вып. 438.
13. Eriksson A. W. Genetic polymorphisms in Finno-Ugrian populations. Finns, Lapps and Maris. — Israel Journal of Medical Sciences, 1973, 9.
14. Moora H. Eesti rahva ja naaberrahvaste kujunemisest arheologia andmeil. — In: Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn: Eesti raamat, 1956.
15. Iaanits L. Eesti NSV territooriumi kiviaja elanike päritolu küsimusi. — In: Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn: Eesti raamat, 1956.
16. Ariste P. Läänemere keelte kujunemine ja vanem arenemisjärk. — In: Eesti rahva etnilisest ajaloost. Tallinn: Eesti raamat, 1956.
17. Марк К. Антропология прибалтийско-финских народов. — Таллин: Валгус, 1975.
18. Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. — Рига: Зинатне, 1975.
19. Meinander C. F. Die Bronzezeit in Finnland. — Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 1954, 54.
20. Laul S. Forschungsprobleme der ethnischen Zugehörigkeit der Träger der Tarandgräberkultur. — Suomen Museo, 89, Vammalan Kirjapaino Oy, 1982, 89.
21. Ауль Ю. Антропология эстонцев. — Уч. зап. ТГУ, 1964.

ZUR ERFORSCHUNG DER HERKUNFT DER BEVÖLKERUNG DES
BALTIKUMS AUFGRUND DER BLUTGRUPPEN
(ANHAND DER MATERIALEN ESTLANDS)

L. Heapost

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die in diesem Artikel erfassten Materialien sind in den 1970er Jahren vom Verfasser gesammelt worden. Die Blutgruppen des ABO-Systems wurden ungefähr bei 5000 und die des MN-Systems bei 210 Personen festgestellt. Bei 500 Esten (in 5 Bezirken) stellte man folgende Blutgruppensysteme fest: A_1A_2BO , MNSs, Rhesus, Lewis, P, K, Duffy, Lutheran. Alle Untersuchten waren alteingesessene Esten, deren wenigstens 3 Generationen im genannten Gebiet lebten.

Die Untersuchungen haben gezeigt, dass in der Häufigkeit des Vorkommens der Blutgruppen beträchtliche Unterschiede in einzelnen Gebieten Estlands bestehen (Abb. 1-4). Das hohe Häufigkeitsvorkommen des O-Gens ist für Nord- und Westland typisch, das des A-Gens ist in Nordestland, teilweise auch in Südostland verhältnismässig hoch. Die Häufigkeit der O- und A-Gene verringert sich in der östlichen, die des O-Gens auch in südöstlicher Richtung. Im Vergleich zu Westland nimmt die Häufigkeit des A_1 -Gens in der Richtung nach Ostestland zu, die des A_2 -Gens jedoch ab. Im Gegensatz zur Häufigkeit der O- und A_2 -Gene steigt sich die Häufigkeit der B- und M-Gene in der Richtung nach Ostestland. Auch im Häufigkeitsvorkommen einer Reihe anderer Blutgruppen werden Unterschiede beobachtet. Die Frequenz der A_1 , B, M, S, Fy^a -Gene ist in Westland niedriger und wird in Richtung nach Ostestland grösser, die Häufigkeit der A_2 , O, P, Lu^a -Gene dagegen verringert sich in derselben Richtung. Die Häufigkeitsunterschiede der Gene bei der Bevölkerung West- und Ostestlands sind anscheinend

mit den unterschiedlichen ethnischen Komponenten der westlichen und östlichen Esten zu klären. Nach Angaben der Kraniologie war im Neolithikum in den Ländern des Baltikums der anthropologische Typ verbreitet, unter dem die brachycephale und breitgesichtige protolaponoide Variante mit schwacher mongoloider Beimischung vorherrschte. Dieser für die Ostseefinnen charakteristische Typ kam ins Baltikum aus dem östlichen Nachbargebiet. Im Baltikum vermischte er sich mit den Nachkommen der Stämme der Kunda-Kultur, unter denen der europide Typ vorherrschte. Einige Blutgruppen, wie die hohe A_1 , B, M, S, Fy^a - und die niedrige A_2 , O, P, Lu^a -Frequenz, können auf die alte protolaponoide Komponente, die in Ostestland einermassen zu erkennen ist, hinweisen. Im Spätneolithikum drang aus der südlichen Richtung noch ein neues ethnisches Element in die Länder des Baltikums und nach Finnland ein. Hauptsächlich wurde es auf den Inseln, in Nord- und Westland, teilweise auch in Mittel- und Südland sesshaft. Es dominierte der reine europide Typ. Im Laufe der Zeit vermischten sie sich und verschmolzen mit den früheren Ansiedlern.

Die ähnliche Häufigkeit einiger Blutgruppen in Nord- und Südwestfinnland kann auf die gleichartigen anthropologischen Komponenten der Gestaltung der Bewohner dieser Gebiete hinweisen. Im Häufigkeitsvorkommen der Blutgruppen der Esten in Westland sowie auf den Inseln und der Schweden auf den Inseln von Gotland und Åland sowie im Küstengebiet von Upland tritt eine gewisse Ähnlichkeit auf, die auf enge kulturelle und ethnische Kontakte zwischen diesen Gebieten in der Bronzezeit und der frühen Eisenzeit deuten kann, was auch durch die Daten der Archäologie belegt wird.

Im grossen und ganzen bestätigt die serologische Karte der Gegenwart, dass an der Herausbildung des estnischen Volkes wenigstens zwei anthropologische Typen, die noch gegenwärtig als west- und ostbaltische Typen zu unterscheiden sind, teilnahmen. In der südlichen Gebieten Estlands liegt die Häufigkeit des Vorkommens der Blutgruppen der Esten der benachbarten Letten nahe. Anhand der durchschnittlichen Angaben stehen die Letten im serologischen Sinne den Esten Mittel- und Südostestlands, die Litauer dagegen denen aus West-, Mittel- und Nordestland näher.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЛИННЫХ КОСТЕЙ
СОВРЕМЕННЫХ ЛИТОВЦЕВ

Й.-В. Найнис (Каунас)

При изучении длинных костей литовцев, жителей г. Каунаса и его окрестностей, накоплены сведения о трупах, из которых были извлечены и изучены плечевые и бедренные [1, с. 158], большеберцовые и малоберцовые [2, с. 24], лучевые и локтевые кости [3, р. 6-7]. Кроме того, 701 труп был изучен соматометрически, после чего извлеченные кости подвергались детальному остеоскопическому, остеометрическому и рентгенографическому изучению. Соматометрические данные, необходимые для антропологической характеристики индивида, обычно получают при исследовании живых людей, а не трупов. Поэтому необходимо было сравнить наши данные со сведениями других авторов, измерявших живых литовцев.

Сравнение наших данных о трупах с данными авторов [4, с. 7-102; 5, р. 108-159; 6, с. 13-35; 7; 8; 9, с. 25] о живых людях показало, что разница в росте не превышает 1% абсолютного размера и практически может не приниматься во внимание. Средний рост изученных нами групп колебался у мужчин от $168,94 \pm 0,59$ до $170,71 \pm 0,61$ и у женщин

от $156,76 \pm 0,6$ до $158,29 \pm 0,64$ см. Лишь ширина плеч (примерно на 9%) и длина стопы (на 6%) меньше у трупов, чем у живых. Это объясняется посмертными изменениями тканей. Другие параметры соответствовали данным, полученным на живых людях. Это позволяет считать нашу методику вполне приемлемой для антропометрических исследований.

Исследовались только кости взрослых людей. Взрослыми считались те люди, у которых при мацерации длинных костей эпифизы не отделялись. Поэтому нижняя граница возраста была непостоянной. Средний возраст изученных трупов мужчин был в пределах 46–48, женщин – 53–54 лет.

При сопоставлении наших данных (табл. 1) со сравнительно немногочисленными сведениями других исследователей выяснилось, что плечевые кости нашей группы относятся к костям средней массивности. Они существенно не отличаются от плечевых костей других европейцев и современных жителей Северной Америки. Исследованные лучевые кости по наибольшей длине практически не отличаются от таковых костей русских и осетин, живущих на северо-западе, а локтевые кости нашей серии несколько больше локтевых костей жителей Индии. Исследованные бедренные кости относятся к сравнительно крупным костям. Они мало отличаются от костей других современных жителей Европы и Северной Америки. Большеберцовые кости как

Т а б л и ц а 1. Статистические параметры длинных костей литовцев, мм

Параметр	Пол	N	M±m
Наибольшая длина плечевой кости	м	117	336,3±1,4
	ж	107	310,1±1,5
Окружность середины диафиза плечевой кости	м	117	72,8±0,4
	ж	107	63,6±0,4
Наибольшая длина лучевой кости	м	137	247,9±1,1
	ж	104	224,1±1,1
Окружность середины диафиза лучевой кости	м	137	48,0±0,3
	ж	104	42,1±0,3
Наибольшая длина локтевой кости	м	137	266,3±1,1
	ж	104	242,3±1,1
Окружность середины диафиза локтевой кости	м	137	51,2±0,4
	ж	104	43,7±0,4
Длина в естественном положении бедренной кости	м	116	454,2±1,9
	ж	107	420,9±2,1
Окружность середины диафиза бедренной кости	м	116	92,6±0,5
	ж	106	84,0±0,5
Наибольшая длина большеберцовой кости	м	137	378,1±1,8
	ж	100	345,1±1,7
Окружность середины диафиза большеберцовой кости	м	138	83,5±0,5
	ж	101	75,0±0,6
Наибольшая длина малоберцовой кости	м	137	369,9±1,7
	ж	96	336,7±1,7
Окружность середины диафиза малоберцовой кости	м	138	43,1±0,5
	ж	97	41,4±0,4

Т а б л и ц а 2. Уравнения регрессии для получения роста по длинным костям, см

Пол	Уравнения регрессии
м	$74,30 + 2,81 \times$ наибольшая длина плечевой кости
ж	$78,56 + 2,52 \times$ то же
м	$64,75 + 3,98 \times$ наибольшая длина локтевой кости
ж	$70,26 + 3,63 \times$ то же
м	$63,54 + 4,41 \times$ длина локтевой кости от локтевого отростка до головки
ж	$69,85 + 3,71 \times$ то же
м	$66,85 + 4,19 \times$ наибольшая длина лучевой кости
ж	$71,37 + 3,88 \times$ то же
м	$70,82 + 4,21 \times$ параллельная длина лучевой кости
ж	$72,64 + 4 \times$ то же
м	$64,63 + 2,3 \times$ длина бедренной кости в естественном положении
ж	$69,09 + 2,08 \times$ то же
м	$71,09 + 2,67 \times$ длина большеберцовой кости
ж	$68,85 + 2,62 \times$ то же
м	$63,23 + 2,9 \times$ длина малоберцовой кости
ж	$66,72 + 2,71 \times$ то же

у мужчин, так и у женщин относятся к костям средней длины, а по показателю платикнемии, отражающему форму диафиза большеберцовой кости, они относятся к зурикнемическим, что характерно для большинства европейцев, в то время как этот показатель существенно меньше у жителей Азии и Австралии. Малоберцовые кости тоже относятся к костям средней длины, но они несколько длиннее других европейских серий и короче костей коренного населения Северной Америки и некоторых африканских серий.

На некоторые этнические различия указывают уравнения регрессии для определения роста по длинным костям (табл. 2). Уравнения были проверены на базовом, а также экспертном и палеоантропологическом материале. Оказалось, что уравнения регрессии, полученные на нашем материале, дают более точные результаты, чем соответствующие формулы, полученные на людях других национальностей. Это косвенно указывает на некоторые этнические или антропологические особенности длинных костей человека. Следует отметить, что ошибка при определении роста по отдельным костям может достигать 5–10 см. Для уменьшения ошибки следует оценить возрастные изменения. У молодых людей действительный рост, как правило, бывает несколько больше, а у пожилых – несколько меньше, чем рассчитанный по уравнениям регрессии.

Половой диморфизм длинных костей современных жителей Литвы достаточно хорошо выражен. По остеометрическим признакам достоверно можно определить пол в почти 90% случаев. Исключение составляют малоберцовые кости, по которым пока можно определить пол примерно в половине случаев.

Возрастные изменения длинных костей весьма разнообразны. Они тесно связаны с катамнезом индивида: с перенесенными заболеваниями,

профессией, некоторыми привычками и т. п. Поэтому исследователь при определении возраста по длинным костям должен быть весьма осторожен и не увлекаться отдельными признаками. Наш опыт показывает, что наилучшие результаты дает комплексный метод определения возраста. При этом оцениваются остеоскопические, рентгенографические, микроскопические и лишь отчасти остеометрические признаки костей.

Латеральная асимметрия костей конечностей выступает довольно ярко. Длинные кости руки проявляют правостороннюю асимметрию, которая больше выражена в отношении длины правой и левой костей того же индивида. Правые кости предплечья бывают длиннее левых у 70–80% индивидов, а левые у 10–20% и только у 10% лиц правые и левые кости равны, т. е. разница не превышает 1 мм. Если же за разницу принять лишь 2 мм и больше (делалось на плечевых костях), то обе кости равны у 25,4% мужчин и у 20,4% женщин, правые кости были длиннее у 63,2% мужчин и у 74,7% женщин, а левые — у 11,4% мужчин и 4,9% женщин. При этом наибольшая разница (14 мм) составила 4% общей длины костей. Периметры костей руки также имеют правостороннюю асимметрию, но она не столь хорошо выражена. Кости ноги не имеют столь выраженной асимметрии. Так, правые бедренные кости были длиннее у 24,3% мужчин и 36,2% женщин, а левые — у 44,9% мужчин и 34,3% женщин. Левые малоберцовые кости были длиннее у 32,17% мужчин и у 23,81% женщин, а правые — у 20% мужчин и у 33,33% женщин. Это позволяет говорить о более частой левосторонней асимметрии костей ноги лишь у мужчин. Так наз. перекрестная асимметрия плечевых и бедренных костей встречается лишь у 50,6% мужчин и 40,7% женщин.

Таким образом, длинные кости человека весьма ценный и интересный объект исследования. Детальное изучение достаточного количества палеоантропологического материала поможет в решении вопросов этногенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найнис Й.-В. Идентификация личности по проксимальным костям конечностей. — Вильнюс: Минтис, 1972.
2. Гармус А. К. Возможности идентификации личности по костям голени: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. — Каунас, 1974.
3. Анусявичене О.-В. В., Найнис Й.-В. И. Возрастные изменения поверхности костей предплечья взрослых людей. — В кн.: Матер. межвузовской науч. конф. Каунасского мед. ин-та. Вильнюс, 1978.
4. Бунак В. В. Опыт типологии пропорций тела и стандартизации главных антропометрических размеров. — Уч. зап. МГУ. 1937, вып. 10.
5. Žilinskas L., Dobrovolskaitė L. Lietuvių mergaičių mėnesinių variacijos V. D. universiteto studentų medikų tyrimo duomenimis. — Kauno universiteto medicinos fak. darbai. Kaunas, 1940, t. 6.
6. Чебоксаров Н. Н. Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики. — Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер., 1954, т. 23.

7. Витов М. В., Марк К. Ю., Чебоксаров Н. Н. Этническая антропология восточной Прибалтики. — М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 2.
8. Vegertas Z. Kauno aukštųjų mokyklų studentų fizinio išsivystymo dinamika ir kai kurios fiziologinės savybės. Med. kand. dis. — K., 1963.
9. Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. — М.: Наука, 1966.

DIE ANTHROPOLOGISCHE CHARAKTERISTIK DER LANGEN KNOCHEN DER GEGENWÄRTIGEN LITAUER

J. Nainys

Zusammenfassung

Die langen Knochen der gegenwärtigen Litauer werden schon 25 Jahre lang am Lehrstuhl für Anatomie und gerichtliche Medizin des Medizinischen Instituts in Kaunas untersucht. Zur Zeit konnten 3 Serien Litauer untersucht werden, die vor dem Tode in der Stadt Kaunas und in ihrer Umgebung lebten. Die Untersuchung erfolgte nach dem von uns vervollkommenen anthropometrischen Verfahren. Nach der Sektion wurden die langen Knochen Humerus und Femur von J. Nainys, Radius und Ulna von O. Anusevičienė, Tibia und Fibula von A. Garmus osteoskopisch, osteometrisch, röntgenographisch, zum Teil auch mikroröntgenographisch und histologisch untersucht. Alle Messungen wurden mit Hilfe des Computers bearbeitet. Das Durchschnittsalter der Männer war 46 bis 48 Jahre, der Frauen 53 bis 54 Jahre. Die durchschnittliche Höhe der Männer betrug 170,71–0,61 cm, die der Frauen 156,76–0,6 bis 158,29–0,64 cm. Im vorliegenden Beitrag werden anthropometrische Merkmale, Lateral-Asymmetrie ... Höhebestimmung erörtert.

НЕКОТОРЫЕ СЛЕДЫ БАЛТО-ФИНСКИХ КОНТАКТОВ
В СИНТАКСИСЕ БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В. Амбразас (Вильнюс)

Одной из синтаксических изоглосс, охватывающих восточнобалтийские и некоторые прибалтийско-финские языки, является употребление отглагольных именных форм для выражения косвенно воспринятого, чаще всего пересказанного действия. В литовском языке для этого используются главным образом номинативы действ. причастий на *-nt* и *-us* (*tėvas dirbąs/dirbęs/dirbdavęs/dirbsiąs* 'отец якобы работает, работал, будет работать'), реже — формы среднего рода страдательных причастий на **mo* и **io*: *tėvo dirbama/dirbta* 'то же'; в латышском — застывшие формы тех же действительных причастий: *tēvs strādājuot/strādājis/strādāšuot*. Включение форм на **nt* и **us* в парадигмы глагольного спряжения в литовском и латышском привело к образованию косвенного наклонения (*modus relativus*)¹.

Парадигмы отглагольных форм соответствующего значения существуют в эстонском и ливском языках. В эстонском для выражения пересказанного действия употребляются партитивы действ. причастий на *-vat* (напр.: *isa töötavat* 'отец, мол, работает'), а также девербативы на *-ma* (*ei olemagi*) и инфинитивы на *-da* (*ma voida* 'я, мол, знаю') [4, р. 236–240]. В ливском языке косвенно воспринятое действие передается при помощи отглагольных имен (*nomina agentis*) с суффиксом *-iji* (*ta luggiji* 'он якобы читает') [5, с. 15; 6, с. 145, 148].

На сходство латышского и эстонского косвенного наклонений обратил внимание Петер Арумаа в 1935 г. [7, S. 46]. Позже Витторе Пизани высказал мнение, что косвенное наклонение восточнобалтийских языков может быть заимствовано из прибалтийско-финских [8, l. 215]. Критически оценивая эту гипотезу, И. Марван [9, р. 35–37; 10, р. 18] указал на структурные различия эстонского и литовского оборотов (в эст. — партитив, в лит. — коминатив причастия)².

Сравнительно-историческое изучение синтаксической системы причастий позволило нам сделать вывод о том, что синтаксическим основанием косвенного наклонения балтийских языков является преди-

¹Для обозначения этой парадигмы форм применяются также термины *modus obliquus* [1, р. 370], *modus auditivus* [2, l. 902]; по универсальной таблице модусов и модальностей, предложенной Е. Панцером [3, S. 70], — *modus narrativus* (*auditivus*).

²О балтийском характере данных конструкций см. также [1, р. 370].

кативное употребление причастий, унаследованное от эпохи индоевропейской языковой общности [11, р. 7–54; 12, р. 170–218; 13, с. 40–46]. Это употребление причастий без связи как эквивалентов спрягаемых форм глагола опирается на структуру древнего номинального предложения с отглагольными именами в качестве предиката. Модальное переосмысление предикативных причастий также является характерной чертой как балтийских, так и других индоевропейских языков. В балтийских языках эти причастия употребляются в императивном, оптативном и адмиративном значениях; ср.: лит. *Einą namo!* (*Kupiškis*) 'пойдем домой!', пр. *weselingi enmigguns* 53 — *frölich geschlaffen*; лит. *Kad tu skradžžemėn nuėjės* (*Gervėčiai*) 'Чтоб ты сквозь землю провалился'; *žiūrėk — jis jau i ateinąs* (*Joniškis*) и т. п. В балтийских и славянских языках они были также использованы для образования перифрастического оптатива с вспомогательным глаголом типа лит. *bi negelbąs*, ст.-сл. *ašte bi bylъ* (14, S. 348, 356; 15, р. 402 сл.). Причастные формы косвенного наклонения (особенно прошедшего времени) балтийских языков находятся в тесной связи с перифрастическим перфектом, а использование перфекта для выражения пересказочности свойственно языкам разных семей³ и представляет собой одну из общих тенденций в развитии глагольных систем [22, с. 206–209]. Несомненно также древность балтийских конструкций типа *accusativus/nominativus cum participio*, в которых пересказанное действие выражается причастиями: лит. *sakė ji sergant(i) — jis sakėsi sergąs* [23, р. 195–275; 24, р. 7–67]. Таким образом, все предпосылки для возникновения косвенного наклонения существовали уже в структуре самих балтийских языков. Однако грамматикализация значения пересказочности и создание специальной парадигмы косвенного наклонения здесь протекали, по-видимому, в условиях контактов с прибалтийско-финскими языками. На это указывают следующие обстоятельства:

1. Общность семантической категории пересказанного действия (или засвидетельствованности) при генетическом различии форм ее выражения в балтийских и прибалтийско-финских языках; среди форм данной категории — причастий (в литовском, латышском), деепричастий (в латышском, эстонском), отглагольных существительных (в ливском) генетически тождественны только литовские и латышские формы.

2. Ограниченное распространение данной категории в сравнительно небольшом и закрытом ареале, занимающем часть восточного побережья Балтийского моря и охватывающем только непосредственно контактирующие языки: литовский, латышский, эстонский и ливский.

3. Невозможность исторически вывести категорию пересказанного действия ни от индоевропейской эпохи, ни от прибалтийско-финской языковой общности.

³В индоевропейских языках такое употребление отмечено как у древних форм перфекта, напр., в древнеиндийском [7, S. 42; 16, р. 48; 17, р. 87], так и у новых, перифрастических, особенно в романских языках [18, S. 107; 19, S. 135]. О тюркских языках см. [20, с. 179–180], о кавказских — [7; 21, l. 146–149].

Следовательно, грамматикализация данной категории должна была протекать *in situ*, на побережье Балтийского моря и, конечно, после распада прибалтийско-финской языковой общности. О том, что тенденция дифференциации прямо и косвенно воспринятого действия более характерна для финно-угорских языков, свидетельствует широкое использование для этого форм перфекта в пермских языках [25, с. 266], прошедшего длительного II времени — в марийском [26, с. 192, 197; 27, с. 232, 248–249; 28, с. 39], а также образование специального наклонения неочевидного действия (абсентива) в мансийском (вогульском) языке [29, с. 137–144].

Распространение идентичной семантической категории в языках, не имеющих прямого родства, предполагает, с одной стороны, наличие языковой интерференции, билингвизма в пограничных полосах, а с другой — относительное языковое единство области проникновения. Именно такие условия создались на территории северной Латвии с V–VI вв. н. э. Археологические данные, приведенные Х. А. Моора [30, с. 123–124], М. Гимбутене [31, р. 141] и др. исследователями, свидетельствуют о том, что восточнобалтийские, главным образом латгальские, племена в то время продвинулись на север, на территории, заселенные предшественниками ливов и южных эстонцев, и распространились до южной границы современной Эстонии. В середине I тысячелетия н. э. прибалтийско-финское языковое единство уже давно не существовало, но восточнобалтийские языки еще образовывали довольно тесную общность, в которой новые явления могли свободно распространяться. Поэтому кажется наиболее правдоподобным соотносить образование парадигмы косвенного наклонения именно с этим периодом.

Степень интенсивности употребления косвенного наклонения в восточнобалтийских языках примерно соответствует близости их связей с прибалтийско-финскими языками: оно наиболее употребительно в латышском языке и в западных, северных и северо-восточных говорах литовского языка⁴. Почти всему этому ареалу свойственны долговременные языковые контакты и широкие зоны субстрата: это прежде всего ливский и южноэстонский субстраты в северной и западной Латвии, куршский — в западной части латышского и литовского ареалов, селонский — в южной Латвии и северо-восточной части Литвы. Наиболее интенсивно косвенное наклонение употребляется именно в той части литовского языкового ареала, где в прошлом бытовали куршский и селонский языки. Через латгальские, куршские и селонские диалекты, подвергшиеся влиянию языка предшественников ливов и южных эстонцев [32, р. 124], категория косвенно воспринятого действия могла распространиться на большей части территории современного литовского языка (прямые контакты прибалтийско-финских языков с литовскими диалектами в то время мало вероятны). В южной

⁴См. картографическую схему распространения косвенного наклонения в литовских диалектах [11, р. 17].

Литве косвенное наклонение почти не употребляется. Все это хорошо согласуется с предположением, что категория пересказанного действия в балтийских языках распространялась с севера на юг.

Дополнительным аргументом, указывающим на роль языковых контактов в развитии косвенного наклонения восточнобалтийских языков, может служить типологическая параллель на совсем иной окраине индоевропейского языкового ареала — на Балканах. Здесь, в условиях непосредственных контактов с тюркскими языками, в болгарском и македонском языках также были созданы парадигмы пересказывательного наклонения, а в албанском — близкого ему по значению адмиратива-комментатива. Как в балтийских, так и в балкано-славянских языках и в албанском косвенно воспринятое действие выражается предикативными причастиями, которые образуют парадигмы сходной структуры; соответствуют даже сложные формы литовско-латышского косвенного наклонения (напр., лит. *jis esq̄s rašes* 'он якобы писал') эмфатическим формам болгаро-македонского пересказывательного наклонения и албанского адмиратива-комментатива, при помощи которых в обоих случаях усиливается недостоверность сообщения, ср. болг. *бил писал* [33, с. 353; 34, с. 166; 35, S. 369]. Семантический спектр модальных значений форм косвенного наклонения в балтийских и балканских языках является также весьма сходным; особенно показательно нетривиальное сочетание аудитивного и адмиративного значений в литовском, болгаро-македонском и албанском. Так как общие черты балтийских и балканских парадигм более подробно освещены нами в другой работе [11, р. 45–47], здесь только подчеркнем, что отношение литовско-латышского косвенного наклонения к прибалтийско-финскому примерно соответствует отношению балкано-славянских и албанских пересказывательных форм⁵ к более древним формам так наз. „заочного претерита” тюркских языков [19, S. 134; 20, с. 182; 40, с. 231 сл.].

Среди других грамматических явлений, общих для балтийских и прибалтийско-финских языков, особенно привлекает внимание типологическое соответствие постпозиционных локативов: инессива, адессива, иллатива и аллатива [41; 42, р. 112; 43, р. 19; 44]. Развитие этих форм обычно рассматривается только на морфологическом уровне. Однако их основание заложено в синтаксисе. Все постпозиционные локативы литовского и латышского языков по своему происхождению являются окаменевшими синтаксическими конструкциями, образованными от косвенных падежей имен и послелогов **-en, -na, -pi(e)*: лит. инес. ед. ч. *raĩkoje* < **rankāi-en* 'в руке', ил. ед. ч. *raĩkon* < **raĩkān-na* 'в руку', адес. ед. ч. *namīē-pi* 'у дома', ал. ед. ч. *namó-pi* 'домой, к дому'.

Эти послелоги как по своей форме, так и по семантике соответствуют предлогам. Постпозиция **-pie* этимологически тождественна предлогам лит. *pie*, лтш. *pie* (< **prie*), лит. *prie*, пр. *prēi* [2, л. 679–680; 45, S. 231;

⁵О балкано-славянских пересказывательных формах в последнее время см. еще: [36, с. 83–138; 37; 38, с. 125–133]; об албанском адмиративе см.: [39, с. 90–124].

46, p. 260], об еще живой семантической связи постпозиции и соответствующего предлога в XVI в. свидетельствует новообразование *patorpi* у Бреткунаса (Postilla II 114) [47, S. 254]. Постпозиция *-na* в формах иллатива может быть соотнесена с предлогами лит. *nuo*, пр. *no* 'от', которые могут рассматриваться как варианты той же формы с долгим гласным, т. е. **nō* [45, S. 230]⁶ (относительно противоположности направления ср. отношение балт. *at-* к сл. *отъ*). Постпозиция инессива **-en* также тождественна по происхождению предлогу лит. *i* < **in*, пр. *en*, лтш. (преф.) *ie-* < **en* 'в'. В развитии синтаксических конструкций с этими послелогоми можно выделить следующие этапы:

1. Выражение пространственных отношений локативом местонахождения, аккузативом и генетивом направления с уточняющими элементами наречного характера (превербами).

2. Превращение этих уточнений пространственного значения в послелоги.

3. Адвербиализация послеложных конструкций и сращение послелогов с падежными формами.

4. Частичное включение новых адвербиальных форм в парадигмы именного склонения в качестве разновидностей локатива.

5. Смена трех постпозиционных локативов (иллатива, аллатива и адессива) синтаксическими конструкциями, но с предлогами. Этот этап наблюдается уже в исторический период развития литовского языка.

Таким образом, история постпозиционных локативов представляет собой характерный пример смены синтаксических конструкций с послелогоми конструкциями с предлогами — процесса, в котором морфологические изменения играют роль только промежуточного звена.

Исконно прабалтийский характер первых двух — целиком синтаксических — этапов развития не вызывает сомнений. Наряду с многочисленными соответствиями в других индоевропейских языках на древность послелогов в именных конструкциях восточнобалтийских языков указывают также реликты постпозитивного употребления лит. *dēl*, *drin*, *dril(ei)*, лтш. *dēļ*, *pēs* и др., напр., лит. *jo drin*, *ju dēl*, лтш. *tēva dēļ*, *manis dēļ*, особенно в адвербиализованных конструкциях типа лит. *kodēl*, *todēl*, *kodrin*, *todrin*. С типологической точки зрения они хорошо согласуются с характерной для балтийских языков начальной позиции приименного генетива [50, p. 107–110]. Другое дело — морфологизация этих конструкций, их превращение в разновидности локативных форм (4-й этап). Среди индоевропейских языков это явление наблюдается только в восточнобалтийских языках; даже в прусском языке, кроме не совсем ясной формы *andangonsv^{en}* (?) в поврежденном рукописном отрывке *Pater noster* начала XV в. [51, p. 102–106; 52, p. 224–225], несомненных примеров постпозиционных локативов не обнаружено.

⁶Сходным образом с предлогом лит. *i*, пр. *en* соотносится постпозиция **-an* < **-on/en*, которую в иллативе усматривают некоторые исследователи [48, S. 272, сл.; 49, S. 78].

В прибалтийско-финских языках пространственные падежи с агглютинативными суффиксами — инессив, иллатив, адессив, аллатив — считаются унаследованными от времени общности этой языковой группы [53, с. 85; 54, с. 125; 55, с. 30]; последние два — от ее позднего периода [55, с. 30]. Образование разных пространственных падежей путем агглютинации послелогов — характерное, весьма распространенное явление в разные периоды развития языков данной группы [28, с. 105–113; 126–136; 56]. При таких условиях стимулирующее влияние прибалтийско-финских языков на морфологизацию синтаксических конструкций с послелогоми пространственного значения в восточнобалтийских диалектах является весьма правдоподобным, особенно если иметь в виду типологическое соответствие самой модели построения и семантики иллатива, аллатива и адессива. В этом отношении постпозиционные локативы как будто образуют параллель косвенному наклонению. Однако их распределение на территории восточнобалтийских диалектов сильно отличается, является почти противоположным, причем особенно показательно исчезновение иллатива, аллатива и адессива в латышских говорах и жемайтском диалекте. Это объясняется гораздо большей древностью образования постпозиционных локативов, на что указывают их формальные особенности, особенно сохранение долгого гласного с *i* и *n* в лит. инессиве основ на *ā*: **rankāi-en*, иллативе **rankān-na* и т. п. [15, p. 159; 46, p. 191, 255; 52, p. 310]. Однако некоторые другие формы постпозиционных локативов, особенно множественного числа, являются более поздними, даже вторичными (напр., адессивы типа лит. *laukuosemp*). Следовательно, процесс агглютинации разных послелогов продолжался весьма длительное время⁷. Начало этого процесса можно отнести только к более отдаленной эпохе балто-финских языковых контактов, о которых свидетельствуют также многочисленные лексические заимствования в языках обеих групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mathews W. K. Lithuanian constructions with neuter passive participles. — Slavonic and East European Review, 1955, vol. 33, N 81.
2. Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. — Rīgā: Valst. izdevn., 1951.
3. Panzer B. Modalitäten und Modi in der Linguistik. — In: Otázky slovanské syntaxe. Brno, 1973, t. 3.
4. Kask A. Die indirekte Redeweise in der estnischen Schriftsprache. — In: Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Tallinn, 1975, t. 1.
5. Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. — В кн.: ВЭИ. Таллин: Эстгосиздат, 1956.
6. Вяри Э. Э. Ливский язык. — В кн.: ЯН. М.: Наука, 1966, т. 3.
7. Lohmann J. Ist das idg. Perfektum nominalen Ursprungs? — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 1937, B. 64.

⁷К соответствующему выводу пришел Э. Зинквичюс в новейшем исследовании литовских постпозиционных локативов [57, p. 21–38].

8. Pisani V. Zu einer Baltisch-estfinnischen Partizipialkonstruktion. — In: Rakstu krājums. Veltījums akad. prof. dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei. Rīgā, 1959.
9. Марван И. О некоторых функциях литовского причастия. — *Kalbotyra*, 1962, t. 3.
10. Марван И. К вопросу о лингвогеографическом положении балто-славянских языков. — *Baltistica*, 1969, t. 5(1).
11. Ambrazas V. Netiesioginės nuosakos (modus relativus) paplitimas ir kilmės problema. — *LKK*, 1977, t. 17.
12. Ambrazas V. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. — V.: Mokslas, 1979.
13. Амбразас В. Исторический синтаксис причастий литовского языка: Автореф. докт. дис. — Вильнюс, 1978.
14. Stang Chr. Die litauische Konjunktion jeib und der lit.-lett. Optativ. — *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, s. a., B. 18.
15. Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — V.: Mintis, 1968.
16. Bloch J. La phrase nominale en sanscrit. — *Memoires de la Societé de Linguistique de Paris*, 1908, N 14.
17. Kenou L. La valeur du parfait dans les hymnes védiques. — Paris, 1925.
18. Meyer-Lübke. *Grammatik der romanischen Sprachen*. — Leipzig, 1898, B. 3.
19. Grünenthal O. Zum Perfekt. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, 1936, B. 63, Hf. 1–2.
20. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. — М.: Наука, 1973.
21. Салтужишвили У. Д. Синтагматика, парадигматика un to savstarpējās attieksmes sintaksēs īmenī. — Rīgā, 1970.
22. Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. — М.: Наука, 1974.
23. Ambrazas V. Galininko su dalyviu (accusativus cum participio) struktūra ir vartoseną senajoje lietuvių kalboje. — *LKK*, 1974, t. 15.
24. Ambrazas V. Lietuvių kalbos vardininko su dalyviu (nominativus cum participio) struktūra ir raida. — *LKK*, 1978, t. 18.
25. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.
26. Современный марийский язык. Морфология. — Йошкар-Ола, 1961.
27. Коведяева Е. И. Марийские языки. — ЯН. М.: Наука, 1966.
28. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. — М.: Наука, 1979.
29. Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. — М.: Наука, 1973.
30. Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — ВЭИ. Таллин, 1956.
31. Gimbutas M. *The Balts*. — London, 1963.
32. Мажюлис В. Социолингвистические заметки к архаическому характеру языка (Балтийские языки). — *Baltistica*, 1974, t. 10(2).
33. Лемина Е. И. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
34. Станков В. Българските глаголни времена. — София, 1969.
35. Fiedler W. Zu einigen Problemen des Admirativs in den Balkansprachen. — In: *Actes du I Congrès International des Études Balcaniques et Sud-est-européennes*. Sofia, 1968, B. 6.
36. Куцаров И. К. Граматичната категория преизказност/непреизказност в съвременния български език. — *Годишник на Софийския университет*, 1979, т. 70, № 1.
37. Roth J. Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen. — München, 1979.
38. Шапова Э. К. Глагольные формы для пересказывания в македонском литературном языке. — В кн.: Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.
39. Сытов А. П. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия. — В кн.: Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.
40. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
41. Meillet A. *La méthode comparative en linguistique historique*. — Paris, 1937.
42. Sabaliauskas A. Baltų ir Pabaltijo suomių kalbų santykiai. — *LKK*, 1963, t. 6.
43. Марван И. К вопросу о лингвогеографическом положении балто-славянских языков. — *Baltistica*, 1969, t. 5(1).
44. Scholz F. Entwicklungstendenzen des litauischen Nominalsystems. — In: *Ost und West*. Wiesbaden, 1977, B. 2.
45. Stang Chr. *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. — Oslo—Bergen—Tromsø: Universitets forlaget, 1966.
46. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. — V.: Mokslas, 1980.
47. Bezzenberger A. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache. — Göttingen, 1877.
48. Zubatý J. Baltische Miscellen. — *Indogermanische Forschungen*, 1896, B. 6.
49. Otrębski J. *Gramatyka języka litewskiego*. — Warszawa: Państw. wyd. naukowe, 1956, t. 3.
50. Ambrazas V. Žodžių tvarka ir baltų kalbų sakinio tipo rekonstrukcija. — *Baltistica*, 1982, t. 18(2).
51. Mikalauskaitė E. Priešreformacinių laikų prūsiško Tėve Mūsų nuotrūpa. — *Archivum Philologicum*, 1938, t. 7.
52. Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai (Deklinacija). — V.: Mintis, 1970.
53. Хямляйнен М. М. О развитии внутренне-местных падежей в прибалтийско-финских языках. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. М., 1961.
54. Хямляйнен М. М. Внешне-местные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков. — В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1962.
55. Аристэ П. А., Вяри Э. Э. Прибалтийско-финские языки. — ЯН. М., 1966.
56. Omas F. J. *The Development of Some Postpositional Cases in Balto-Finnic Languages*. — Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1961.
57. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai. — *Baltistica*, 1982, t. 18(1).

SPUREN DER BALTISCH-FINNISCHEN BEZIEHUNGEN
IN DER SYNTAX DER BALTISCHEN SPRACHEN

V. Ambrazas

Zusammenfassung

Zwei syntaktische Isoglossen auf dem baltischen und ostseefinnischen Gebiete sind erörtert worden: 1) modus relativus (resp. obliquus) und 2) die postpositionalen Lokalkasus.

Modus relativus der ostbaltischen Sprachen ist aufgrund der alten, aus der indogermanischen Zeit ererbten prädikativen Funktion der Partizipialformen entwickelt. Aber die modale Umdeutung der prädikativen Partizipien für die Wiedergabe der indirekt vernommenen Handlung und ihre Einreihung in Verbalparadigma verlief unter dem Einfluss der ostseefinnischen Dialekten. Die semantische Kategorie der indirekt vernommenen Handlung wurde im Ostbaltischen aller Wahrscheinlichkeit nach im 5. bis 6. Jahrhundert grammatikalisiert. Typologisch ähnliche Grammatikalisierung der entsprechenden semantischen Kategorie auf dem Grenzgebiete der indogermanischen Sprachen ist in den Balkansprachen zu beobachten (vgl. einerseits das bulgaro-makedonische Kommentativ sowie albanische Admirativ und andererseits das türkische „Präteritum der Überlieferung“).

Die Entwicklung und Schwund der postpositionalen Lokalkasus im Ostbaltischen ist als ein syntaktischer Prozess des Ersetzens der postpositionalen durch die präpositionalen Konstruktionen aufgefasst. Der stimulierende Einfluss der ostseefinnischen Sprachen kann nur für die Periode der Morphologisierung der einzelnen Lokalkasus und der Agglutination der Postpositionen angenommen werden.

ВКЛАД РОДСТВЕННЫХ БАЛТИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ЛИТОВСКИЙ ЯЗЫК (по топонимическим данным)

А. Ванагас (Вильнюс)

В своем развитии литовский язык претерпел влияние родственных балтийских диалектов, ареалы которых в той или иной степени покрываются территорией современного литовского этноса. Это влияние достаточно отчетливо проявляется и на онимическом, и особенно на топонимическом уровнях. Примечательно, что некоторые топонимические элементы исчезнувших в XIII—XIV вв. балтийских диалектов влились в литовский язык, сохраняя черты, которые несвойственны литовскому языку, напр.: наличие согласных *z*, *s* вместо *ž*, *š* (*Azāgis*, *Zēlvē*, *Zalūlis*; *Kirsnā*, *Apsingė*, *Āpusinas*, *Lūkstas*), сохранение тавтосиллабического *n* в некоторых западножемайтских диалектах (*Tėnžė*, *Rānžė*, *Impiltis* < **Impiltis*), респект балтийского дифтонга *ei* вместо *ie* (*Léipalingis*, *Veisiėjis*, *Sėivės*) и др. Топонимы, имеющие такие особенности, вошли в систему литовского языка сравнительно поздно, можно сказать, механически, до сих пор оставаясь лингвистически обособленными ее элементами.

Степень и объем вклада других балтийских диалектов в литовский язык в настоящее время могут быть выявлены только предварительно. Что же касается топонимии, то на сей день уже известно несколько десятков топонимов, имеющих фонетические, морфологические, лексические черты, более характерные для других балтийских диалектов, чем для литовского языка. Эти топонимы подразделяются на южные (связываемые с ятвяжским), северо-восточные (связываемые с селонским), средне-северо-литовские (связываемые с жемгальским) и северо-западные (связываемые с куршским диалектом).

Южные (прелиминарно соотносимые с ятвягами): 1. Словообразовательные: топонимы с ударяемым окончанием *-ūs* и, частично, с суффиксами *-ingė*, *-ingis*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-ausis*, *-eta*, *-etas*, *-ina*, *-inas*, *-ain-*, *-(m)en*. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Kirsnā*, *Saknā*, *Sāknas*, *Serwy*, *Peřsas*, *Veisiėjis*, *Apsingė*, *Apsingis*, *Apsuonā*, *Slīminas*, *Svetūs*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Azāgis*, *Bėrznukas*, *Зельва*, *Зебрь*, *Злина*, *Jiėznas*, *Zāpse*, *Zapšys*, *Zebrys*, *Zebriūs*, *Zervylis*, *Zervyna*, *Zervynas*, *Zervynos*, *Zuokas*, *Gaižiāknis*, *Pežėlvė*, *Pramežys*, *Zaizdrauka*, *Zāmbė*, *Zebrenai*, *Zėlva*, *Zėlvė*); в) с дифтонгом *ei* вместо *ie* (*Léipalingis*, *Veisiėjis*, *Deivōniškiai*, *Sėivės*). 3. Лексические: *Gālintas*, *Gāiliekas* (пр. *gaylis* 'белый'), *Kirsnā* (пр. *kirsnan* 'черный'), *Lindė* (пр. *lindan* 'долина'), *Palvė* (пр. *palwe* 'пущина

пущина, моховое болото без деревьев, боровые пески'), *Pentā* (пр. *pintis*, *pentes* 'дорога'), *Sasnā* (пр. *sasnis* 'заяц'), *Sperniā* (пр. *sparyus* 'луг, пастбище'), *Stabingis* (пр. *stabis* 'камень').

Северо-восточные (прелиминарно соотносимые с селонами):

1. Словообразовательные: гидронимы с суффиксами *-asa*, *-esa*, *-asas*, *-esas*, *-aja*, *-ykštis*, *-ėta*, *-ėtas* и, частично, *-intas*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-učia*, *-ija*. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Āpsas*, *Silyina*, *Sirvėta*, *Sirvėtas*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Azarinā*, *Erzvėta*, *Erzvėtas*, *Izėtas*, *Jūzintas* (в настоящее время *Jūzintas*), *Kežaras*, *Ūzinas*, *Vazajā*, *Vāzajis*, *Zaduojys*, *Zalūlis*, *Zalvas*, *Zalvė*, *Zalvēlis*, *Zalvys*, *Zarasaī*, *Zasinytis*, *Zasinųčiai*, *Zasinytė*, *Zėmdaga*, *Zirnaiys*, *Zizdrā*, *Zuntė*); в) с аффрикатами *c(č)*, *dz* вместо мягких согласных *k'*, *g'* (*Dzirnyte*, *Dzirny ēžeras*, *Čėdasas*, *Čerč-upys*, *Čiāunas*, *Či-čirys*, *Čivyliai*, *Cinaitės*, *Čyviškiai*, *Viculėlis*). 3. Лексические: *Ais-purvė*, *Aūslas*, *Cāplio kalnėlis*, *Cūku grāvis*, *Bėdrės*, *Bėdros*, *Driņgis*, *Dūkštas*, *Kėvės Dūkšta*, *Dūkštėlis*, *Dūkštā*, *Dukstynā*, *Dūkštā*, *Duōrupis*, *Duōrpis*, *Gariavā*, *Glaužinys*, *Glīdziniai*, *Guopys*, *Lešk-upys*, *Lėvuō*, *Magūlis*, *Rovėjā*, *Tūolas*, *Vāsaknas*) [1, p. 155].

Средне-северные (прелиминарно соотносимые с жемгалами):

1. Словообразовательные: судя в основном по историческим записям — это гидронимы с суффиксом *-ava* [2, p. 254]; непопулярность гидронимов с суффиксами *-auja*, *-(i)ot-*, *-ng-*. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Svidikynė*, *Svētimai*, *Sviřkalis*) [3, p. 28]; б) с согласным *z* вместо *ž* (известны только исторические записи топонимов, где вместо *ž* выступает *z*) [2, p. 253]; в) анаптаксис: *Skarūdžiūs* (< *Skařdžiūs*) и, возможно, *Šiladis* (< **Sildis*), ср. эст. *sild* 'мост' [4, p. 263]. 3. Лексические: *Bėdrė*, *Cėplius*, *Čikstė*, *Drukys*, *Dūblis*, *Gruōtė*, *Krūoja*, *Ruōtis*, *Vegerė* [1, p. 155].

Западные (прелиминарно соотносимые с куршами): 1. Словообразовательные: гидронимы с суффиксами *-alė*, *-alis*; непопулярность гидронимов с суффиксами *-aitė*, *-aitis*, *-ėlė*, *-ėlis* [5, p. 284]. 2. Фонетические: а) с согласным *s* вместо *š* (*Āpusinas*, *Lūkstas*, *Svēncelė*); б) с согласным *z* вместо *ž* (*Ūzlės*, *Zabikai*, *Zirgo rāgas*, *Zvizdrālės*, *Zvizdrė*, *Zvizdrynė*); в) с согласным *c(č)* вместо мягкого *k'* (*Cėdvė*, *Cėrto kálnas*). 3. Лексические: *Alangā*, *Alaukstis*, *Blākė*, *Blidakė*, *Burkālė*, *Damašā*, *Dūkšmė*, *Gātė*, *Gātupis*, *Gliviā* (ср. лтш. *glīve* 'слизь'), *Grūva*, *Kalčiā*, *Kaltis*, *Kerbėsas*, *Kėvė*, *Kniāvas*, *Kniāvasis*, *Krūn-upis*, *Kulkā*, *Kuōpis*, *Lamsōčiai*, *Liuvynas*, *Lūkainis*, *Miklinys*, *Pluņkė*, *Rāžė*, *Reņgė* (ср. лтш. *reņge* 'рыба, салака'), *Sārķainis*, *Tamšā* [1, p. 155].

Субстратных топонимов, сохранивших особенности исчезнувших балтийских диалектов, в литовском языке в настоящее время мало, да и к тому же часть из них почти не маркирована в ареальном отношении. Например, известно, что все исчезнувшие балтийские диалекты — ятвяжский, селонский, жемгальский, куршский — вместо лит. *ž*, *š* имели *z*, *s*. Это значит, что при отнесении топонимов, имеющих *z*, *s* вместо *ž*, *š*, к селонскому или жемгальскому, к жемгальскому или куршскому и т. п. приходится руководствоваться не самыми этими